

лиск»: «**Поднимите мне веки...**» (1966) — намек на гоголевского Вия, явно отождествляемого здесь с Василиском. Своеобразно обращение к Пушкину: «„Буря мглою небо кроет“ / И село стоит во тьме / Неподвижное такое / И застывшее в тюрьме». Читательские интересы Г. выражает пометка на обороте одного стих. 1965: «Кafka, Камю, Селин, Джойс, Генри Джеймс, Олдингтон, Достоевский» (Сигей С. // Poesie: Собр. стихотворений. Trento, 1992. С. 27). Но вне конкуренции для Г. оставались футуристы. С К. И. Чуковским, хоронившим эгофутуризм еще в 1914, он спорил в 1973: «Вечная жизнь готова / Бригаде Василиска Гнедова / Самореклама прогресс / Не положишь язык под пресс / Пример тому Маяковский / Хлебников Давид Бурлюк / Болливый Корней Чуковский / Ничего не спрячешь в люк...» Г. заявляет себя гражданином всей Вселенной и Председателем земного шара, как его назвал, наряду с собой, В. Хлебников («**Встречаю свой возраст не розовым...**», 1975; «**Сожалею, что на голове моей торчат волосы...**», 1976).

Г.-версификатор полностью свободен (как и в стилистике) от любых норм и ограничений. Есть у него и стих. в прозе «**Сугубенно-научновастистая аргументированность...**», и позднейший (1965) моностих «**Бушующее будущее опыляю**»; двустрочная миниатюра «Вы можете различить по звуку, / Как пахнет поцелуй?» (1974) предвосхищает распространившиеся позднее кратчайшие верлибры (и отличается образной синестезией). Но российскому читателю творчество Г. пока практически неизвестно.

После реабилитации поэт жил в Киеве, стараясь каждое лето бывать в санатории или доме отдыха на море; последние годы — в Херсоне, где и скончался, незадолго до того похоронив свою вторую жену М. Н. Соболевскую. Прежние знакомые — В. Б. Шкловский, С. П. Бобров — отношений с Г. возобновить не пожелали, он общался главным образом с Н. И. Харджиевым (в т. ч. в форме стихотворной переписки), которому и были переданы по завещанию сохранившиеся рукописи. Большая часть архива Г. хранится в отделе рукописей московского Музея Маяковского.

Соч.: Poesie: Собр. стихотворений / под ред. Н. Харджиева и М. Марцадури; вступ. статья, подгот. текста и комм. С. Сигей. Trento, 1992; Смерть искусства: Пятнадцать (15) поэм. 1913. М., 1996.

Лит.: Закржевский А. Рыцари безумия (Футуристы). Киев, 1914; Харджиев Н. Памяти Василиска Гнедова // Ricerche slavistiche. 1980–81. Vol. 27–28; Сигов С. Эго-

футурналия Василиска Гнедова // Russian Literature. Vol. 8–1. Amsterdam, 1986; Айги Г. Василиск Гнедов // В мире книг. 1989. № 2; Бирюков С. Зевгма: Русская поэзия от маньеризма до постмодернизма. М., 1994; Кузьмин Д. Отдельно взятый стих прекрасен // Арион. 1996. № 2; Шмидт Э. Василиск Гнедов: На краю молчания // Новое лит. обозрение. 1998. № 33(5).

С. И. Кормилов

ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ Илья Николаевич (псевдоним Андрей Прокшин) [12(25).4.1904, с. Наталино Пензенской губ., позднее Саратовской обл.— 26.4.1969, Москва; похоронен в пос. Переделкино на писательском кладбище] — поэт, прозаик, лит. критик, переводчик, историк лит-ры.

Из дворян, правнучатый племянник фельдмаршала М. И. Кутузова. Отец — полковник в отставке, в Гражданской войне не участвовал, эмигрировал с женой и сыном осенью 1920. Детские годы Г.-К. прошли в Симферополе, где он учился в гимназии. В 1921 окончил в Белграде 1-ю русско-сербскую гимназию, затем Белградский ун-т по специальности романская филология. Университетским учителем был Е. В. Аничков. Последователь сравнительно-исторического метода А. Н. Веселовского, он оказал решающее влияние на науч. интересы Г.-К. В то же

И. Н. Голенищев-Кутузов

время, будучи сторонником «реалистического символизма», Аничков воздействовал и на формирование эстетических взглядов Г.-К.

Стихи и рассказы Г.-К. начал писать в России. Первые публикации стихов появились в 1923, наиболее серьезные — в сб. «Гамаюн — птица вещая» (Белград, 1924). В 1925 Г.-К. стал членом Союза русских писателей и журналистов Югославии. Стихи студенческих лет обнаружили приверженность Г.-К. символистской традиции. В них господствует метафорическое восприятие мира. Вслед за символистами Г.-К. использовал латинские и французские заглавия стихов («*Nox Sibillina*»; «*Jardin du Luxembourg*»), брал эпитафии из древних философских и религиозных текстов (стих. «*Дубровник. Иезуитская церковь*» предшествует эпитафия из И. Лойолы: «*Perinde ac cadaver*» («Подобно трупу; будь послушен, как труп»). Как и символисты, Г.-К. использовал дольник, любил аллитерации.

Летом 1927 в Риме Г.-К. познакомился с Вяч. Ивановым. Между ними завязалась переписка. Иванов требовал от Г.-К. совершенства формы и протестовал против «недопустимых галлицизмов». Он способствовал тому, что стихи Г.-К. появились в ж. «Совр. записки». Первая публикация стихов в «Совр. записках» (сент. 1929) вызвала интерес в лит. и философских кругах русского Парижа (в окт. Н. А. Бердяев прислал Г.-К. приглашение выступить с докладом в Религиозно-философском обществе; в нояб. поэт получил письмо от З. Н. Гиппиус с приглашением «на наши «воскресенья» и в «Зеленую лампу»). В том же году началась стажировка Г.-К. в Высшей школе исторических и филол. наук при Сорбонне. В 1933 он защитил дис. о ранних влияниях итальянской лит-ры Возрождения на французскую лит-ру XIV–XV вв. (была издана в Париже). В 1934 Г.-К. вернулся в Белград.

Парижский период был отмечен активной лит. деятельностью. Г.-К. выступал с чтением своих стихов. Чаще всего — в лит. обществе «Кочевье», где участвовал и в обсуждении творчества совр. писателей: А. М. Ремизова, М. И. Цветаевой, а также В. В. Маяковского — в апр. 1930. Нередко свои выступления Г.-К. превращал в критические статьи, которые публиковал в газ. «Возрождение». Наиболее охотно новые стихи он читал в группе молодых русских поэтов «Перекресток». В нее входили А. П. Дураков, Ю. Б. Софиев, Ю. К. Терапиано, Е. Л. Таубер. Побывал Г.-К. и в «Зеленой лампе»: 15 апр. 1930 вместе с И. А. Буниным, Д. С. Мережковским, Б. К. Зайцевым обсуждал деятельность ж. «Современ-

ные записки» и «Числа». Но это был единственный визит, т. к. Г.-К. увидел политическую агрессивность и нетерпимость руководителей «Зеленой лампы». Он был согласен со своим другом Дураковым, сказавшим о Гиппиус: «Она все ненавидит, а я все люблю...» («Заповедный круг...». С. 172).

В стихах 1928–31 ключевыми стали метафоры памяти. Поэт слышал «вещие голоса» («*Стенания сирого сирокко...*») и утверждал: «Прошлое живет во мне» («*Колизей*»). В 1930 сложился первый (и единственный в жизни Г.-К.) сб. стихов — «*Память*». Иванов в предисл. отметил «свободную многоотзывчивость» музыки Г.-К., напевность его стихов и умение отличать память от воспоминаний: «Память укрепляет и растит душу, воспоминания сладкою грустью ее разнеживают...» (Лепта. 1992. № 4. С. 121). Иванов увидел, что особое место в поэзии Г.-К. заняла память о России: «Его Россия, изъятая из его поля зрения, стала для него „внутренним опытом“, предметом мистической веры и почти потусторонней надежды». Россия, ее «смутный берег» в стихах Г.-К. предстали по детским впечатлениям: саратовский и пензенский простор, теплота родной усадьбы: «Древний помещичий сад, / Звук отдаленной свирели. / Тихий в душе аромат / Яблочной прели». Лирический герой Г.-К. был убежден: «Торжественную, избранную скудость / Возлюбленных полей / Как позабыть? / К чему иная мудрость? / Иных земель елей!» Черты России он искал и в облике любимой. «Другие видят даль, зеленые моря...», а герой Г.-К. — «Лишь мед и золото распущенных волос» («*О как обширен мир и как жесток мой плен...*», 1932). Другое стих. начиналось строкой «*Вокруг волос твоих, янтарней меда...*» (1932). В середине 1930-х Г.-К. пережил новую «неожиданную весну». И опять в портрете любимой запечатлевал традиционные черты: «Уж золотит невидимый июль / Твоих волос отягощенный колос» («*У солнечной стены стоит сосна...*», 1936). В письме к Иванову поэт счел нужным сообщить, что невеста «по матери из моих мест» («Заповедный круг...». С. 182).

Поэтическая память Г.-К. включала не только «родное», но и «вселенское»: победить «томление недостойное» ради того, чтобы слушать «спокойное течение светил» («*За это одиночество...*», 1932). В этом особенно ясно проявилась внутренняя связь эстетики Г.-К. с символизмом Вяч. Иванова. Сб. стихов «Память» увидел свет только в 1935. В печати на него откликнулся В. Ф. Ходасевич, с которым Г.-К. сблизился в первые парижские

месяцы: Ходасевич опекал поэтов группы «Перекресток». Кроме взаимной симпатии, что подтверждает их переписка 1932–36, двух поэтов объединило уважение к культуре символизма и к классической традиции. В рецензии Ходасевич отметил, что поэзия Г.-К. «тематически и эмоционально близка старой, преимущественно символистской поэзии...: это близость преемственного, а не эпигонского характера» (Ходасевич В. Книги и люди (Новые стихи) // Возрождение. 1935. 28 марта). Но автор «Европейской ночи» хотел видеть и освобождение «от символистской поэтики». Признаки этого («проще, строже, суше, скупее на слово, чем символисты») он заметил только в нескольких стихах («**Заветная песнь**», «**Офорт**», «**Меланхолия**»).

В авг. 1935 строгую оценку новых стихов (Г.-К. готовил вторую книгу) дал Вяч. Иванов: в них «нечто острое, но не до конца пережитое, не могло — или не хотело — определенно (то есть художественно-завершено) сказаться... вижу более поэтического субстрата, нежели формы...» («Заповедный круг...». С. 179). Иванов советовал подождать с выпуском нового сб.

В 1936 в Париже вышел поэтический альм. «Якорь». Сост. Г. В. Адамович включил 2 стих. Г.-К.: «**Пепел**» и «Вокруг волос твоих, янтарней меда...». В 1937 «Совр. записки» (Т. 65. С. 164) напечатали: «**От тебя, как от берега, медленно я отплываю...**». На этом завершились публикации Г.-К. в русских парижских изданиях. В Белграде он активно выступал как критик. В 1937 вышла книга статей о русских писателях на сербско-хорватском яз.

Вяч. Иванов понимал, что Г.-К. переживает переходный этап в своей творческой и «сердечной жизни», и оказал духовную поддержку, посвятив ему стих. «Земля»: «Повсюду гость и чужанин...» (Иванов Вяч. СС. Брюссель, 1979. Т. 3. С. 508). Увидев стихи в «Совр. записках», Г.-К. написал Иванову 11 июля 1937: «...в них тема изгнания и тема родины, Ваши и мои, и общерусские» («Заповедный круг...». С. 182). Одновременно он сообщал: «Вторую книгу стихов выпущу лишь через несколько лет и, вернее всего, в России, куда меня все сильнее тянет». Более ярко это чувство Г.-К. выразил в стихах: «Я больше не в силах скрыться / От страшного зова России» (1938).

1937–38 — поворотные годы в развитии мировоззрения Г.-К.; он испытал некоторое влияние евразийской идеологии: строки о заложнике «среди азийских кочевых племен»

(1930); о душе, которая внимает звукам «древней песни степной» (1938). Свою роль в этом сыграл и его друг Н. Н. Алексеев, видный деятель евразийского движения (см.: Голеницев-Кутузов И. **Русское чудо** // Голос Родины. 1969. 1 янв. С. 7).

В конце 1930-х в творчестве Г.-К. на первый план выдвинулась гражданская тема: стихи о республиканской Испании как о стране, которой «нет нам роднее» («**Испания**», 1937–38) (РО ГЛМ). Он обращался с гневным словом к эмигрантам, которые «отрелись от родных глубин», он предупреждал их об опасности прожить «до роковых седин / С кличкой иностранца, инноверца» («**Эмиграция**», 1938). Герой этого стих. хотел «отверженности смыть печать» и был готов на «смерть идти и муку».

В 1938 номер югославского ж. «Смена» со статьей Г.-К. о романах «Поднятая целина» и «Петр Первый» был конфискован полицией. В мае того же года он был арестован «за советскую пропаганду», но ненадолго (Лихачев Д. С.— С. 176, 179). В 1940 Г.-К. написал стих. «**Чапаев**». К этому же году относится его обращение в советское посольство в Болгарии с просьбой о гражданстве. Получить его помешала война. В апр. 1941 г. началась фашистская оккупация. Г.-К. вступил в Союз советских патриотов, который был создан в Белграде, и стал членом его ЦК (Тесемников В. А. Российская эмиграция в Югославии (1919–1945 гг.) // Вопр. истории. 1988. № 10. С. 137).

В 1941 Г.-К. написал «**Балладу о пяти повешенных**»; осенью того же года был арестован за антифашистскую деятельность и заключен в концентрационный лагерь «Баница». Ноябрьем 1941 датировано написанное в лагере стих.: «— Что завтра, друг,— расстрел, освобожденье? / А где-то там леса гудят, шумят, / И в гуле том — борьба, свобода, мщенье». За недостаточностью улик Г.-К. был отпущен на свободу, но уволен с работы. К 1942 относится одно из лучших стих. военных лет «**Когда в сердцах настанет тишина...**». В нем выражена вера в то, что «отбушуют лживые плакаты», «вернется истинный Орфей / На землю, им покинутую ныне, / И ключ забьет в песках души твоей, / Ключ памяти в отверженной пустыне, / Тогда услышишь сердцем голоса / И музыку созвездий и растений...» (РО ГЛМ).

В 1944 в партизанском отряде, который действовал в Воеводине, Г.-К. написал «**Вторую хотинскую оду**». В 1945 на американскую атомную бомбардировку японских городов откликнулся стих. «**Атомные де-**

МОНЫ». Это было философское размышление об ответственности человека при встрече с «демонами в одежде из свинца», смеющимися «над гармонией светил». Г.-К. был привержен идеям антропософии, которые вошли в его сознание еще в 1920-е. Утверждение чувства единства человека с духовной основой Вселенной характеризует поэзию Г.-К. в целом так же, как утверждение чувства родины. В 1951, когда резко ухудшились отношения между югославскими и советскими властями, Г.-К. за свою гражданскую позицию был брошен в тюремные казематы — на 2 года. И вновь рождались стихи: «Вам кажется — Россия далеко. / А здесь она, моя Россия» (1951). Возвращение на родину состоялось в 1955. В Москве Г.-К. развернул обширную науч. деятельность как сотрудник ИМЛИ АН СССР. Много переводил на русский: произведения «Поэтов Далмации эпохи Возрождения XV–XVI вв.» (М., 1959), былины в сб. «Эпос сербского народа» (М., 1963), стихи итальянских поэтов, «Новую жизнь» Данте (М., 1968). В 1967 в серии «ЖЗЛ» вышла его книга «Данте», в которой проявился не только талант ученого, но и дар отличного повествователя (рассказы Г.-К., начал публиковать в конце 1920-х).

В конце 1950-х критик Н. И. Замоскин попытался опубликовать подборку стихов Г.-К. Но безуспешно — она осталась лежать в его архиве. Только однажды увидели свет стихи Г.-К. — в сб. «**В краях чужих**» (М.; Берлин, 1962). В 1965 Г.-К. был принят в СП СССР. Последнее стих. написал в 1968. Г.-К. остался до конца приверженцем поэзии, мысли и культуры символизма. Прочитав в рукописи «Поэму без героя» А. А. Ахматовой, с радостью отмечал черты, роднящие ее с символизмом. Отечественный читатель стал знакомиться с поэзией Г.-К. только в 1990-е.

Соч.: Память / предисл. Вяч. Иванова. Париж, 1935; Четыре стихотворения // Новый мир. 1991. № 8. С. 158–159; Стихотворения / вступ. и прим. И. Голенищевой-Кутузовой // Лепта. 1992. № 4. С. 122–130; Заповедный круг римских воспоминаний...: Переписка И. Н. Голенищевой-Кутузова и Вяч. Иванова (1928–1938) / вступ. и комм. И. Голенищевой-Кутузовой // Октябрь. 1993. № 3. С. 169–184; Стихотворения // Мы жили тогда на планете другой...: Антология поэзии Русского зарубежья / сост. Е. Витковский. М., 1994. Кн. 3. С. 89–100; Николай Гумилев: [статья 1936]; Евгений Замятин. Очерк творчества // Русская словесность. 1994. № 4. С. 15–23; № 6. С. 15–24; Зощенко и ирония. Статья 1933 г. / предисл. и прим. В. Перхина // Нева. 1994. № 8. С. 305–307; [Стихотворения] / предисл. и комм. В. Крейда // Вернуться в Россию стихами... М., 1995. С. 168–170.

Лит.: Лихачев Д. С. Илья Николаевич Голенищев-Кутузов // Русская лит.-ра. 1969. № 4. С. 175–179; Бурић О. Руска литерарна Србија. 1920–1941 (писци, кружоци и издања). Београд, 1991. С. 64–65, 92–98, 102–106; Голенищев-Кутузова И. Я больше не в силах скрыться от страшного зова России... К 90-летию со дня рождения И. Н. Голенищев-Кутузова // Российский литературоведческий ж. 1994. № 4. С. 278–297; Лики времени. Парижские эссе. М., 2004.

В. В. Перхин

ГОЛОВИНА́ Алла Сергеевна [15(28).7. 1909, с. Николаевка, Киевской губ.— 2.6.1987, Брюссель] — поэт, прозаик.

Урожденная баронесса Штейгер. Ее дед, швейцарец, переселился в Россию в начале XIX в. и занимал высокий пост в Управлении торгового флота. Барон Штейгер, отец Г., родился в Швейцарии, но рос и получил образование в России, которую в 1920 покинул, выехав с семьей через Одессу в Турцию. Затем семья переехала в Чехословакию, где Г. и ее брат, будущий поэт А. Штейгер, окончили русскую гимназию в Моравской Тршебове. Там Г. начала писать стихи и познакомилась с М. Цветаевой, навещавшей свою дочь в гимназии. Дружеские и эпистолярные контакты будущей поэтессы с Цветаевой длились до отъезда последней в Советскую Россию. После гимназии Г. поступила в Пражский ун-т (1928–31), приняла участие в содружестве «Скит поэтов», которым руководил профес-

А. С. Головина